

Выстрел

А. Рыбаков

ВЫСТРЕЛ

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(0)
P93

Рыбаков, А.

P93 Выстрел. / А. Рыбаков. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ,
2019. – 254 с.

ISBN 978-5-521-74718-4

Широко известная детективная повесть «Выстрел» Анатолия Рыбакова стала завершением приключенческой трилогии об арбатских школьниках, а теперь студентах, начавшейся в повестях «Кортик» и «Бронзовая птица». На страницах «Выстрела» Миша Поляков и его друзья помогают раскрыть таинственное убийство инженера Зимины.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74718-4

© T8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Текст. А. Рыбаков, наследники, 2019

1

Возле пивной «Гротеск» прохаживался Витька Буров по прозвищу Альфонс Доде. Пустые бутылки принимали во дворе пивной, и Витьке была видна вся очередь.

Замученный старичок, гномик в очках, опускал бутылки в ящик: темные — пивные, светлые — водочные, желтые — из-под лимонада и сидро. Бутылки сдавал Шныра, а в очереди, которую Шныра загораживал спиной, Фургон, Паптет и Белка перекладывали бутылки из ящичков в свои сумки, собираясь продать их еще раз.

— Тридцать пять копеек, — объявил гномик Шныре, — так тебя учили в школе?

Шныра вынул кепку из кармана, нахлобучил на голову, на глаза, отошел, потом незаметно стал за Паптетом и наполнил свою кошелку бутылками из ящичков.

— Получай деньги, отнеси маме, ты хороший мальчик, — заключил гномик торг с Фургоном.

Ребятам все это казалось игрой, рискованной, но увлекательной и дающей заработок. Деньги им были нужны для поездки в Крым.

Сидя на разбитом асфальте, они сдавали выручку Витьке Бурову.

— Восемьдесят две копейки, — сказал Шныра.

— Молодец, хороший мальчик! — к удовольствию всей компании, передразнил Витька гномика. — Слушай маму!

— Пятьдесят восемь копеек, — сказал Фургон.

— Плохой мальчик, ленивый, выйди из класса!

— Девяносто три, — сказала Белка.

— Изюм — белый хлеб! — воскликнул Витька. Выше похвалы он не знал.

Они пошли по Смоленскому рынку, могучая компания, объединенная таинственной целью, имеющая бесстрашного жожака, который бесцеремонно всех расталкивал: «Куда прешь, не видишь — дети!» — фраза, тоже приводившая их в восторг.

Служащие в косоворотках, мануфактуристы в пиджачных парах, в галстуках и без галстуков, с бабочками и без бабочек, зеленщики в брезентовых и рыбники в кожаных фартуках, крестьяне в смазанных сапогах и крестьяне в лаптях, украинки в суконных свитках, китайцы с воздушными шарами и всякими бумажными чудесами, железнодорожники в форменных куртках, барышники, молочницы, холодные сапожники, точильщики, босяки — все это скопище людей двигалось, шумело, спорило, торговалось, пело, играло, плакало, проклинало, собиралось в толпы, растекалось по Новинскому и Смоленскому бульварам и по примыкающим к рынку переулкам.

Толстый, неповоротливый Фургон задержался около продавщицы с лотком на груди. «Моссельпром» было вышито на ее форменной фуражке золотым шнуром.

— Ириски, — доложил Фургон.

— Вывеска на голове, магазин на брюхе! — ответил Альфонс Доде.

Фургон понял, что ирисок не будет.

Суровое сердце Витьки дрогнуло только при виде рослой украинки в монидах, продававшей пряники в ларьке под вывеской: «Наталка с Киева».

Она заметила Витькин замороженный взгляд.

— Все вы дывыгесь на меня, а не покупаете.

Витька кинул на прилавок деньги — широкая влюбчивая натура, — раздал всем по прянику, себе не взял, сдачу положил в нагрудный карман:

— Это крымские.

— С Крыма приехали? — осведомилась «Наталка с Киева».

— Вроде бы, — неопределенно ответил Витька.

По базару медленной уркаганской походкой шел Шаринец, хлюпик в кашне, настороженно косил рыжим глазом.

Витька напрягся, готовый к столкновению.

— Белка! — требовательно произнес Шаринец.

Белка не ответила на оклик Шаринца, вопросительно смотрела на Витьку, сильного, смелого, покупающего пряники.

Шаринец прошел, усмехаясь, как человек на рынке слишком значительный, чтобы связываться с такой мелкотой.

Но мелкота знала, что Шаринец боится Витьку, и это усиливало в них сознание своего могущества.

2

На своем дворе они тоже были хозяева. Старшие ребята их не трогали, боясь Витьку, сверстники хотели попасть в их компанию, но компании никто больше не нужен: они не могут всех взять в Крым. Они сидели в тени восьмиэтажного корпуса. Шныра и Фургон мелом рисовали на асфальте пальмы с высокой кроной, волнистое море, чаек, солнце с длинными лучами — все это должно было изображать Крым. Витька лениво поигрывал финским ножом и курил папиросы «Наша марка» — единственная трата из крымских денег, которую он себе позволял. Папиросу получил и Папштет. Шныре и Фургону дали затянуться. Шныра выказал наслаждение, которого не испытывал, Фургон закашлялся, Белке ничего не было дано — девочки не должны курить.

Идиллия была прервана появлением дворничихи с метлой.

— Весь двор разрисовали, безобразники!

Витька подкинул нож, ловко поймал за рукоятку.

— Ох, Витька, доиграешься, не миновать тебе тюрьмы. Тебя не жалко, мамашу твою жалко.

Витька симпатично улыбнулся, отчего финка в его руках стала выглядеть несколько зловеще.

На четвертом этаже открылось окно. Валентин Валентинович Навроцкий провел ладонью по подоконнику — чисто ли? Он был в светлом шевииотовом костюме. К окну подошел Юра — его больше не дразнили скаутом, но выглядел он высокомернее, чем прежде: долговязый, в бархатной толстовке, с белым бантом.

— Витька Буров, он же Альфонс Доде, гроза Арбата, — объяснил Юра, — и его банда: Шныра, Паптет, Белка и Фургон. Паптет и Белка — бывшие беспризорные, а сейчас безнадзорные. В чем разница — не знаю.

— Какой действительно толстый мальчик Фургон, — согласился Валентин Валентинович, — перекормлен.

— Его настоящее имя Андрей, фамилия Зимин, отец — инженер на фабрике.

— Сын инженера в такой компании?! А почему Альфонс Доде?

— Может быть, он чем-то напоминает Тартарена из Тараскона? Навряд ли... Почему, например, Паптет? Он паптета в глаза не видел. Все потенциальные уголовники начинают с кличек.

Во дворе появился Шаринец, уселся на скамейке у подъезда, ухмыляясь поглядывал на Витькину компанию.

— А это настоящий уголовник, профессиональный карманник, — сказал Юра.

— Карманник не самая видная, но вполне достойная воровская специальность, — смеясь, заметил Валентин Валентинович.

— Конкурент Витьки за влияние во дворе.

Подтверждая эти слова, Витька, демонстрируя свою власть, приказал:

— Фургон, скажи стих!

— Какой?

— Про хорошего человека.

Фургон ударил себя в грудь:

Рожь брита,
Грудь открыта,
Брюки клеш,
Даешь — берешь!

— Хороший стих, — похвалил Витька. — А еще знаешь?

— Про что?

— Про хорошего человека.

— Про хорошего человека больше не знаю, — признался Фургон.

— Фургон! — окликнул его Шаринец.

— Чего?

— Подойди!

Фургон сделал неуверенное движение в сторону Шаринца, но его остановил грозный Витькин оклик:

— Стой!

Фургон остановился.

— Зачем пошел?

— Так ведь он позвал.

Двумя пальцами Витька зажал Фургону нос.

— Брось, Витька! — неодобрительно заметил Шныра.

Фургон мотал головой, пытаясь вырваться.

— В другой раз оторву и голову, — пообещал Витька и сильно дернул рукой вниз.

Фургон освободился от железной Витькиной хватки, но ощущение было такое, будто у него оторвали нос, и Фургон не сумел сдержать слез.